

литературное
ОВО
обозрение

№ 19 (1996)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Зенкин (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Осповат (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

В книге опубликованы также осуществленные Вяч. Ивановым переводы собственных сочинений (поэмы «Человек» и «Повести о Светомире царевиче», а также ряда мелких стихотворений) на немецкий язык. Нельзя не упомянуть также, что в книге впервые приведен текст письма Т. Манна Виктору Витковскому от 20 июля 1954 г., где содержится высокая оценка творчества Вяч. Иванова. Это, видимо, единственный отзыв немецкого классика о его выдающемся русском современнике.

Будем надеяться, что в серии выйдет еще немало добротных книг. Сосредоточив свое внимание на проблематике русско-немецких литературных взаимосвязей, ее издатель нашел свою «нишу» в богатом репертуаре немецкой книгоиздательской Росики, что должно стать залогом жизнеспособности начинания Франка Геблера.

Константин Азадовский

НЕМЕЦКИЕ ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Vjaceslav I. Ivanov. *DICHTUNG UND BRIEFWECHSEL AUS DEM DEUTSCHSPRACHIGEN NACHLASS/Hrsg. von M. Wachtel. Mainz: Leiber Verlag, 1995. 317 s.*

Что мы знаем о Вячеславе Иванове? Вопрос, похоже, не вполне корректный. На фоне диссертаций, монографий и разноязычных публикаций последних лет, после отдельно изданных материалов трех международных симпозиумов, посвященных жизни и творчеству Иванова, после четырех солидных томов его собственных сочинений (незавершенное брюссельское издание) можно, казалось бы, с полным правом сказать: мы знаем достаточно.

И все же... В 1924 г. Вячеслав Иванов покинул Россию (сохраняя — до 1936 г. — советское гражданство); умер в Риме летом 1949 г. Ровно четверть века, проведенные вне России, — чем были эти годы для Иванова — поэта и религиозного философа? Эпохой творческого подъема или нисхождения? Сколь многие и какие именно из произведений Иванова впервые появились или вновь печатались за границей в этот период? Вот краткая справка. Наиболее известной и часто публиковавшейся (в переводе на основные европейские языки) оказалась «Переписка из двух углов»; издавались (по-немецки) существенно обогащенные переделки работ, задуманных и отчасти осуществленных ранее — «Русская идея» и «Достоевский», а также немецкие переводы его прежних сочинений (мелопея «Человек», трагедия «Тантал», статьи «Древний ужас», «Гоголь и Аристофан» и др.). В полном смысле «новыми», если не считать случайных вещей, написанных скорее «для семейного пользования» (типа либретто «Наль и Дамаанти»), можно назвать лишь знаменитые «Римские сонеты», «Римский дневник», ряд статей в немецких, французских, итальянских (как исключение — в советских или, уже в 1930-е гг., в русских заграничных) изданиях да незавершенную «Повесть о Светомире царевиче». Конечно, это тоже немало, особенно если учитывать тогдашнее положение русского писателя, коему наново приходилось утверждать себя в иноязычной среде. И все же, с другой стороны, немного, если сопоставить все созданное в ту пору Ивановым с блистательной эпохой 1903—1922 гг.! Речь идет, разумеется, не о количестве, но прежде всего о новизне и весомости того, что было написано Ивановым за границей: уже не раз отмечалось, что в историко-культурных и теоретических работах Иванова после 1924 г. в известной мере нашли свое продолжение и развитие именно те концепции, мотивы и темы, что были им пережиты и воплощены куда раньше.

Что же происходило с Ивановым «после России»? Что мешало поэту или сковывало его? Недостаток творческой энергии, оторванность от российской жизни, внешние трудности? Невозможность или нежелание приспособиться к «современным» запросам?

Ответить помогают нам — лишь отчасти, понятно, — материалы, опубликованные американским русистом Майклом Вахтелем, чья недавно изданная (по-английски)

монография «Русский символизм и литературная традиция. Гете, Новалис и поэтика Вячеслава Иванова» уже обратила на себя внимание специалистов (см. рец. в НЛО, 1996, № 17). На этот раз М. Вахтель выявил, собрал воедино и подготовил к печати обширную переписку Иванова с немецкими философами, культурологами, издателями (Мартин Бубер, Эрнст Роберт Курциус, Бернт фон Гейзелер, Герберт Штейнер, Макс Файхингер и др.) — имена эти известны всем, кто так или иначе соприкасался с немецкой культурой новейшего времени. А в самих письмах то и дело упоминаются виднейшие деятели европейской культуры, с которыми Иванов был в те годы связан, а то и близко знаком: Мартин Бодмер, Рихард Беер-Гофман, Карл Мут, Шарль дю Бос, Бенедетто Кроче, Габриель Марсель... Все письма написаны Ивановым по-немецки: этим языком он владел настолько свободно, что сочинял или переводил стихи, в том числе — Баратынского, Тютчева, Пушкина, наконец, собственные*. Вторая — меньшая по объему — часть книги как раз включает в себя некоторые из выполненных самим Ивановым переводов на немецкий (пребывание за границей, бесспорно, стимулировало его деятельность как переводчика собственных сочинений), а также его «стихи на случай», тоже немецкие. Таким образом, М. Вахтель опубликовал основную часть «немецкого» наследия Вяч. Иванова между 1926 и 1949 гг. (собственно, все, что составителю удалось обнаружить в римском архиве Иванова и других хранилищах). Нельзя не отметить, конечно, многолетние усилия, затраченные американским ученым на поиски в Германии, Италии, Швейцарии, наконец, США...

Даже при беглом обзоре этих материалов зримо вырисовывается не только круг знакомств и общения Иванова, но и особое его место в западноевропейской духовной жизни 1920-х — 1930-х гг.: сотрудничество в «элитарных» религиозно-философских и общекультурных периодических изданиях — таких, как «Die Kreatur», «Согона» и «Hochland», связь с отдельными издательствами и научными обществами и т.д. Становится ясно, какие именно работы самого Иванова важны были для его современников в Западной Европе и какие трудности претерпевали отдельные его произведения на пути к западному читателю (например, трагедия «Тантал», переведенная Генри фон Гейзелером еще в 1912 г., но увидевшая свет лишь в 1940 г.). И наконец, не считая событий и бытовых подробностей жизни Иванова и его близких, мы узнаем о направленности его занятий в последние десятилетия: история русской культуры, «русская идея», Достоевский. И можно без колебаний еще раз сказать: несмотря на обращенность в католицизм и при все большем — с годами — погружении в филологию Вяч. Иванов, оказавшись за границей, не слишком изменился в своих творческих вдохновениях и мотивах. Неразрывно связанный с эпохой русского символизма, будучи одним из его творцов и теоретиков, он так навсегда и остался «символистом», сохранившим в себе устремления и пристрастия, что определились еще в начале века.

Однако в отличие от большинства писателей-эмигрантов Иванову удалось безболезненно и естественно сблизиться с кругом западноевропейской духовной элиты, сумевшей, в свою очередь, понять его незаурядность, по достоинству оценить масштаб его личности. К опубликованным письмам М. Вахтель присоединил отзывы о Вяч. Иванове, написанные Р. Курциусом и Г. Штейнером; упоминается также о посвященной Иванову статье Б. фон Гейзелера. В кругу этих лиц Иванов, бесспорно, воспринимался как «свой». И не случайно. Штейнер, Курциус, Бернт фон Гейзелер и другие, с кем общался Иванов в Западной Европе, выросли, как и он сам, из неоромантической эпохи, были проникнуты ее духом, воспитаны на произведениях Георге, Гофмансталя и Рильке и всегда сохраняли верность этим дорогим для них именам (так, Г. Штейнер редактировал издание Гофмансталя в издательстве Фишера, Бернт фон Гейзелер — вслед за своим отцом — был поклонником Георге и т.п.).

* Безупречное, подчас доходящее до виртуозности владение немецким языком, отличавшее Вяч. Иванова, как и германские корни его литературного и научно-филологического творчества — особая и обширная тема, обсуждать которую — вполне резонно — не считал своей задачей М. Вахтель; вслед за ним, соответственно, мы оставляем этот вопрос в стороне.

Наиболее содержательная часть книги (в части эпистолярной) — переписка Иванова в 1932 — 1949 гг. с Эрнстом Робертом Курциусом, одним из влиятельнейших германских литературоведов нашего века, переводчиком и философом культуры. Речь здесь, как и в других случаях, не идет о делах обыденных — житейских или издательских. Напротив: оба обмениваются суждениями, весьма любопытными и с нынешней точки зрения. Так, прочитав в 1932 г. немецкое издание «Русской идеи» (Тюбинген, 1930), Курциус спрашивает: «Но жива ли где-либо *эта* Россия сегодня, помимо разрозненных эмигрантских кругов?» Ответное письмо В. Иванова от 27/28 февраля 1932 г. — существенное уточнение к его размышлениям о «греко-латинской» судьбе России, о ее «византийстве»: «В корне неверно воспринимать Россию как часть азиатского мира. Влияние монголов на Россию в Средние века было не более глубоким, чем влияние арабов на Испанию. Однако Россия в самых глубинных слоях своего языка и мышления — это Византия; а Византия с самого начала — благодаря эллинизму — была Евразией (в позитивном смысле этого слова) и все более становилась ею в своей дальнейшей судьбе, что само по себе неблагоприятно отягчает наше культурное наследие. Европейская же культура, которую я все еще отваживаюсь называть христианской, соединяла в себе еще с доэллинистических времен и Восток, и Запад. Поэтому и Россия должна оставаться *европейским* Востоком: оба эти принципа, оплодотворяя друг друга, должны образовать органическое единство. В то время как в пределах западного мира протестантство остается внутренней диалектической антитезой, в более широком кругу всей европейской (для меня — христианской) культуры, эта двуликость Востока и Запада не должна углубляться, вырождаясь в принципиальный раскол. И мне кажется, что все творческое в России подтверждает эту здоровую как гуманистическую, так и христианскую направленность, эту ориентацию — на Ориент».

Рецензируемый «немецкий» том Вячеслава Иванова — ярчайшее, удивительное свидетельство его высокого «космополитизма». Как мало кто из его современников, Иванов вмещал в себя воистину целый «космос», объединяя в себе «европейца» и русского, западника и славянофила, католика и православного, ученого и поэта, христианина и «язычника»... Ряд этот при желании можно продлить. И дело, конечно, не только в блестящем знании языков (немецкого, итальянского, французского, древнегреческого, латыни и др.), но и — прежде всего — в глубокой, почти органичной причастности самого В. Иванова к основам «европейского духа», к его истокам и судьбам, в его уникальной способности пребывать одновременно в нескольких, во многих культурах. Должно быть, именно это влекло к нему образованных людей на Западе, желающих его читать и готовых у него учиться. (Впрочем, если уж говорить об Иванове-«европейце», влияние германской культуры следует все же признать главенствующим.)

«Это был европейский дух — Европа должна его помнить», — писал родным Вяч. Иванова (после его смерти) Бернт фон Гейзелер в 1949 г. Немецкие письма Иванова свидетельствуют об этом еще раз и — неопровержимо.

* * *

К сожалению, и в этом ценном издании не обошлось без «накладок», подчас ощутимых. Досаду вызывают подстрочные примечания, но особенно — именной указатель, составленный небрежно и, видимо, наспех. Налицо непоследовательность, несогласованность отдельных частей и, главное, отсутствие четких эдиционных принципов. Укажем на отдельные погрешности.

Целый ряд имен, обильно рассыпанных по страницам книги, вовсе не отражен в указателе. Может на первый взгляд показаться, что составитель сознательно не включил в него те фамилии, которые упомянуты только в подстрочных примечаниях (этот принцип, сам по себе глубоко ошибочный, порой встречается в зарубежных изданиях и, оказавшись этот нелепый подход выдержан здесь от начала до конца, можно было бы говорить об известной, хотя и порочной «логике»). К сожалению, логики нет. Именно фамилии, упомянутые в основном тексте (т.е. в самих письмах), сплошь и рядом отсутствуют в указателе: братья Шлегели (с. 29), Владимир Гика

(с. 124), Луиза Аккерман (с. 174, 175), Ганс фон Вебер (с. 243), Эрнст Ховальд (с. 259), граф Вольдемар Уксуль-Гюлленбанд (с. 260), Джованни Маркезини (с. 260), Ганс Барон (с. 261), Василий Жуковский (с. 271) и т.д. К ним можно добавить и длинный перечень на с. 22—25: имена тех, чьи архивные фонды скрупулезно исследовал М. Вахтель, а также перечень лиц, коим выражена благодарность за содействие (и где, между прочим, в одном ряду с Михаилом Гаспаровым, Димитрием Ивановым и Габриэлем Суперфином оказалась... Нина Хрущева!).

С русскими персонажами — особенная путаница. Одни, как и следует, названы полностью, по имени-отчеству: Николай Александрович Бердяев (с. 56), Фаддей (а не Фадей!) Францевич (а не Франзович!) Зелинский (с. 63), Дмитрий Сергеевич Мережковский (с. 55), Евсей Давидович Шор (с. 45), и т.д. Но зато остались почему-то без отчества такие деятели русской культуры, как Л. С. Бакст, А. Я. Белобородов, И. А. Бунин, С. И. Гессен (кстати, выступающий на страницах рецензируемого издания то как Сергей, то как Сергиус), Ф. А. Степун, А. А. Трубников, Л. И. Шестов и др.?!

Нет последовательности и в отношении отдельных персонажей (коих, повторяю, множество, и несомненная новизна издания отчасти в том, что все они втягиваются в научный оборот как бы через призму Вяч. Иванова). Одни из них кратко, но достоверно комментируются в подстрочных сносках, снабжены необходимыми датами, краткими биографическими сведениями и т.д. (некоторые примечания, кстати, дублируются, например, данные о переводчице Артуре Лютере на с. 181 и 255). Другие же весьма известные лица странным образом лишены даже этой минимальной справки. Так, вовсе не прокомментированы (попавшие в Указатель) Вальтер Беньямин (с. 30) и Карл Вольфскель (с. 221); «обойденными» оказались также поэт Эрнст Бертрам (с. 81) и итальянский русист Этторе Ло Гатто (с. 193). Называю лишь тех, чьи имена можно «с ходу» обнаружить в общедоступных справочниках. Конечно, письма В. Иванова и его корреспондентов изобилуют упоминаниями и о тех лицах, данные о которых, согласен, найти не просто. В этом случае, однако, не мешало бы поделиться с читателем результатами поисков, отметив в традиционно принятой форме: сведений обнаружить не удалось, даты жизни неизвестны и т.п. Увы! Такого рода пояснений в рецензируемой книге «обнаружить не удалось».

Что касается содержания отдельных примечаний, то вряд ли можно согласиться с характеристиками: «Лев Шестов — крупнейший еврейский философ русской эмиграции» (с. 31) или «Антон Киппенберг — историк литературы» (с. 104). Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков были высланы из Советской России в сентябре 1922 г. (а не в 1923 г., как утверждает на с. 56). Странное впечатление производит строчка о Георге Бахмане (кстати, он не только поэт, но также переводчик и педагог): «Упоминается в публикации С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова «Переписка Брюсова с Андреем Белым» (Лит. наследство. Т. 85. М., 1976)» (с. 256), — странное, поскольку Бахман, друживший с Брюсовым, Бальмонтом и другими поэтами, — более чем заметная фигура литературной жизни Москвы начала XX века (некролог о нем, написанный Брюсовым, см.: Весы. 1907. № 7. С. 54—56).

Но не будем предаваться занятию, именуемому *splitting hairs*. Высказанная выше общая оценка труда М. Вахтеля остается непоколебленной. С появлением собранного им тома немецких писем Иванова (в то время как множество его «русских» писем ждет еще своего часа в будущем) наше представление о выдающемся поэте-мыслителе стало полней, богаче. Неизменно глубокие по своему содержанию и превосходные по литературному мастерству, эти письма, воссоздающие, вместе с ответными, взаимоотношения и «связи» между Ивановым и его современниками, открывают нам одновременно и другую область, отчасти граничащую с компаративистикой. В сущности, перед нами — в новом разрезе — огромный пласт западноевропейской культуры. Осваивать такие «пласты» в одиночку — задача не из легких. Обыкновенно это делается сообща, постепенно. Будем же благодарны американскому ученому, взявшему на себя утомительный труд первопроходца!

327 СЕРГЕЙ БИРЮКОВ (Тамбов) —
ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ (Москва)

БИБЛИОГРАФИЯ

А. РЕЙТБЛАТ	334	Не только для киноведов (обзор журнала «Киноведческие записки»)
К. ЛАПШО-ДАНИЛЕВСКИЙ	339	Русско-немецкие литературные взаимосвязи — в кавычках и без: Новая немецкая славистическая серия
К. АЗАДОВСКИЙ	342	Немецкие письма Вячеслава Иванова
	346	Новые книги
А. И. РЕЙТБЛАТ, М. А. НИКОЛАЕВА	396	«Литературные листки» (указатель содержания)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ И КРУЖКИ

В. МИЛЬЧИНА	410	Наука политесов
С. ЗЕНКИН	418	Риторика учтивости
А. МОНТАДОН	422	Проблемы общежительности и учтивости в работах Центра исследования новых и новейших литератур

ХРОНИКА

В. МИЛЬЧИНА	424	О чае и матерьях важных (Первоапрельские чтения НЛО «Еда и питье в литературе»)

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. ГАСПАРОВ	432	Записи и выписки